

Юн Ци, испытывая на себе сильную любовь младшего брата, хотел целовать и дарить Юн Шаню нежность столько, сколько хотелось, чтобы потом, лёжа в холодной жёлтой земле, вспоминать эти ощущения.

С давних времён тягостно только было умирать, а если что-то гнетущее больше не внушало страха, то чего бояться отношений с младшим братом? Вздорное суждение!

От этих мыслей сердце Юн Ци нестерпимо защемило. Посмотрев на красивое лицо Юн Шаня, юноша упрямо выдавил улыбку и, вновь с усилием кивнув, прошептал:

— Конечно, я этого хочу.

Юн Шань, по-прежнему считая, что находится во сне, немножко подождал.

Юн Ци высвободил руки из-под ватного одеяла и мягко погладил лицо младшего брата. Поступать так добровольно и смело всё же было для него впервые. Хоть юноша и решился, однако его действия были полны застенчивости. Испытывая искушение коснуться, Юн Ци осторожно скользнул по лицу Юн Шаня и, подняв взор на него, сказал:

— Тебе не следует сдерживаться. Видя, как тебе тягостно себя обуздать, мне на душе тоже становится печально. — Эти слова, которые в его сердце звучали почти непристойно, он говорил, словно женщина, соблазняющая мужчину, а его слабый голос был подобен мошке.

— Старший брат! — Юн Шань, долгое время находящийся в растерянности, двумя руками обнял юношу, прижался губами к его ушку и, боясь поверить, спросил: — Ты всё это говоришь всерьёз?

Юн Ци не знал, от возбуждения или же от волнения тело бросало в лёгкую дрожь, вплоть до мочек ушей. Было неопишимо приятно, когда губы Юн Шаня касались маленьких волосков. Юноша услышал вопрос младшего брата, и в чёрных, будто нефрит, глазах, что всегда были переполнены слезами, появилось ещё больше решимости, а сам Юн Ци вновь стиснул зубы и серьёзно дважды кивнул.

Словно стоящий в проруби, Юн Шань почувствовал, как внезапно в его объятия попал огненный шар. Тело охватило внезапное тепло, проникая и заполняя собой душу, а сам юноша втайне, не сдержав восхищения, проронил: «Небеса пощадили меня!»

Сжимая любимого в объятиях, Юн Шань опустил голову и, касаясь его плеча, взволнованным и охрипшим голосом, который стал звучать ещё ниже и сексуальнее, прошептал, словно секретничая:

— Раз уж старший брат кивнул в знак согласия, то я на этот раз подчинюсь его желаниям и ручаюсь, что старшему брату будет хорошо и он будет наслаждаться, забыв обо всём [1].

Сердце потеплело, а рука, что была под одеялом, уже приоткрыла край нижнего платья и, словно змея, тихо проскользнув внутрь, медленно спустилась вниз по гладкой коже.

Юн Ци не впервые понимал, чего же хочет отыскать младший брат; сердце заколотилось; палец юноши ещё не вторгся внутрь, но вопреки этому отверстие уже стало пылать жаром, словно ожидая с нетерпением, когда в него войдут.

Ягодицы и бёдра невольно напряглись, Юн Ци же затаил дыхание, боясь сделать даже вдох.

Заметив его напряжение, Юн Шань улыбнулся юноше и, прикусив мочку ушка, проговорил:

— Любимый старший брат, расслабь бёдра и раздвинь колени, чтобы позволить мне позаботиться о тебе.

Юн Ци было так неловко, что он не осмелился поднять взгляд, но также он был очень послушен и неожиданно действительно через силу развёл в стороны укрытые одеялом колени. Такая уступчивость заставила кровь броситься в голову.

Как только ноги раздвинулись, Юн Шань тотчас же умело обхватил рукой приятный на ощупь член.

Юн Ци не смог сдержать изумления и тихонько ахнул, верхняя часть тела обмякла, и юноша, полностью облокотившись на Юн Шаня, который придерживал его сзади, чувствовал, как рука младшего брата тихо начала скользить промеж ног.

Юн Линь, сидя в углу у печки, притворялся, что не обращает на них внимания.

С тех пор как Юн Ци заключили сюда, его, Юн Линя, брат-близнец всем сердцем и душой устремился к старшему брату и лично заботился обо всём: кормил, одевал, даже помогал справлять нужду. Юн Ци спал, а он смотрел на него, сидя на краю кровати; Юн Ци просыпался, и юноша тотчас же, словно тот был драгоценностью, стискивал старшего брата в объятиях и не отпускал. Видя собственными глазами, как Юн Шань во время допроса подвергался жестоким пыткам, Юн Линь по-прежнему таил обиду из-за сожжённого письма Гун Ухуэя, однако Юн Шаню же, наоборот, юноша не ставил прошлое в вину. Естественно, ему не нравилось, что старший близнец питает благосклонность к Юн Ци, но убеждать не получалось, а бранить Юн Линь не осмеливался. Всё, что ему оставалось, — не обращать внимания на то, что творилось у него перед глазами.

Потому-то, как только Юн Шань и Юн Ци прижимались друг к другу, Юн Линь сразу же холодел от злости и уходил греться у огня.

Сейчас юноша, немного повернув голову, только мог видеть силуэт Юн Шаня. Юн Линю смутно удалось разглядеть, как старший близнец, наклонившись, сидел у кровати и придерживал Юн

Ци. Юноша подумал, что они перешёптываются, а также он размышлял, что происходящее сейчас крайне разнилось с прошлым. Он вспоминал те дни, и как он был близок со старшим братом Юн Ци и со старшим братом-близнецом Юн Шанем, с которым он, Юн Линь, был неразлучен, и как был горячо любим этими двумя. Но вот тебе на, внезапно небо и земля перевернулись, и всё стало вверх дном: два старших брата, которые не имели ничего общего, внезапно сблизились, а сам Юн Линь стал лишним и ненужным. Как говорится: с глаз долой, из сердца вон!

Сейчас, когда юноша тихо задевал печальные, отдающие кислотой, мысли, до его слуха внезапно донеслись лёгкие, почти не слышные всхлипы.

— Юн Шань, не надо...

От невесомых и задевающих струны сердца влажных всхлипов мурашки пробежали по телу.

Юн Линь, знающий Юн Ци больше десяти лет, никогда ещё не слышал такого сладкого и соблазнительного голоса. Юноша остолбенел и спустя некоторое время внезапно содрогнулся. Не может быть, чтобы они прямо сейчас занимались этим!

Прямо на глазах у младшего брата?!

Гнев охватил разум Юн Линя, а кровь от чувства неловкости, клопоча, хлынула к голове.

Младший близнец учился сам, не признавая старых наставников, однако, достигнув юношеского возраста [2], стал получать наставления согласно этикету родной матушки, и хоть он вёл дела, давая волю своему нраву, однако всегда соблюдал меру. С малых лет и по сей день юноша пел как петух и крал как собака [3], много занимался развратом с женщинами, однако никогда не видел, чтобы два старших брата на глазах у него, младшего брата, занимались подобными делами! Это что ещё такое?!

От смущения Юн Линю хотелось куда-нибудь спрятаться. Втянутая в плечи шея внезапно выпрямилась, а самого юношу охватил несоизмеримый гнев.

Если эти двое ни капли не стыдятся, то и ему нет нужды стыдиться за них!

Юн Линь, с шипением тяжело дыша, заскрежетал зубами и, поднявшись с места, широким шагом приблизился к постели и крикнул:

— Старшие братья, вы что творите?!

Ладонь Юн Шаня, чьи ласки были подобны огню, бушевавшему в степи, скользила по нежному члену Юн Ци вверх-вниз. Находясь в объятиях младшего брата, Юн Ци прикрыл глаза и совершенно не различал, где небо, а где земля.

Но внезапно услышав яростный рёв Юн Линя, юноша вздрогнул и, растеряв как раз нахлынувшее возбуждение, от испуга отвернулся.

Как он мог забыть, что в комнате есть ещё и Юн Линь? Он, Юн Ци, действительно стал настолько распутным, что лишился рассудка.

От раскаяния его чуть не вырвало кровью.

Юн Шань двинулся, закрывая старшего брата плечом от взгляда Юн Линя и боясь, что Юн Ци вновь ускользнёт, крепко обнял его, и только тогда обернулся и, посмотрев на стоящего возле кровати близнеца, спросил:

— Юн Линь, чего тебе надо? — Из-за искренности Юн Ци юношу переполняла радость, которую невозможно было скрыть, даже смотря на младшего близнеца, Юн Шань слегка приподнял уголки губ, улыбаясь помимо своей воли.

Юн Линь внезапно застыл.

Переполняющий душу гнев под натиском этой неожиданной улыбки, что свалилась как снег на голову, разбился вдребезги.

Двое близнецов выросли вместе, и Юн Линь видел, как старший брат приводил в трепет множество людей и как становился наследным принцем. Сам же Юн Шань всегда выглядел холодно, держался с достоинством и никогда не создавал никаких трудностей, тем не менее Юн Линь впервые увидел его такую счастливую улыбку.

Некоторое время юноша стоял в растерянности. Смотря на Юн Шаня и переведя взгляд на едва открытый затылок Юн Ци, который был скрыт плечом старшего брата, юноша, сначала желавший отругать братьев, не мог вымолвить ни слова, будто кто-то заткнул его рот льняной тканью.

— Что случилось? — вновь поинтересовался Юн Шань.

Он спросил очень тепло, однако Юн Линя, неизвестно почему, после услышанного охватила печаль, да так, что юноша почти готов был разразиться слезами.

Хватит, хватит! Его несчастный старший брат Юн Шань, являясь наследным принцем, получал семь подвигов и восемь ранений [4], не прикладывался к бутылке, не играл на деньги, не любил женщин, всю жизнь не имел каких-либо дурных пристрастий.

И если Юн Линь, будучи его младшим братом, насильно отнимет у старшего брата даже такое маленькое счастье, тогда чем он будет лучше Юн Шэна?

— Я... — Некоторое время юноша сдерживал дыхание и, покраснев до сине-фиолетового оттенка, наконец выдохнул, выпуская весь скопившийся воздух из груди. Освободив грудную клетку, Юн Линь слабо проговорил: — Ничего.

И словно отбрасывая глупые и бестолковые мысли, чтобы хоть немного привести себя в чувство, юноша сильно замотал головой, развернулся и, вернувшись в постель, потянул на себя ватное одеяло, плотно укрывшись с головой. С глаз долой — из сердца вон!

На самом деле Юн Шань тоже обеспокоился, что Юн Линь станет рубить с плеча и, обезумев, устроит скандал. Юноша за себя не переживал, больше всего он переживал, что крайне чувствительный и застенчивый Юн Ци не выдержит всего этого. Но никак не думал, что Юн Линь вдруг проявит благоразумие и, вскарабкавшись на другую постель, ляжет спать, укрывшись ватным одеялом, словно говоря Юн Шаню: «Вы, давайте, делайте так, как считаете верным».

От того, что юноша позволил им смело действовать, цветы сердца Юн Шаня бурно расцвели [5], а сам он, будучи смышлёным юношей, тотчас же понял мысли близнеца. Из груди вырвался вздох восхищения: Юн Линь был достойным братом по крови, и это называлось родством душ и сочувствием со стороны младшего брата.

Растянув губы в улыбке, юноша спешно успокоил прячущегося в его объятиях смущённого и расстроенного Юн Ци:

— Не бойся, старший брат, ничего не случилось. Иди сюда, где было приятно от моих только что подаренных ласк? Скажи мне.

Юн Ци, находясь в объятиях младшего брата, вытянул шею и, повернув голову, посмотрел на лежащее напротив ватное одеяло, которое сейчас было сильно вздуто; разумеется, внутри прятался Юн Линь. Он с младшим братом вдвоём рядом, но есть ещё один младший брат... Действительно неслыханное и очень развратное дело, к которому, кто бы мог подумать, он, Юн Ци, имеет непосредственное отношение!

Однако чем больше он думал об этом, тем непослушнее становилось тело, каждый цунь кожи становился крайне чувствительным.

Юн Шань, пряча руку под одеялом, слегка коснулся Юн Ци, тотчас же обжигая и вызывая дрожь по всему телу. Изогнувшись и сомкнув зубы, юноша не осмелился повысвить голос и, дрожа, очень тихо проговорил:

— Нельзя, Юн Линь здесь...

— И что с того, что он здесь? — Проявив смелость, Юн Шань решительно отбросил сапоги, взобрался на постель, вместе со старшим братом спрятался под ватным одеялом и, руководствуясь собственными желаниями, стал ласкать юношу. Прикусив мочку уха, Юн

Шань шёпотом подразнил: — Наоборот, нужно в присутствии Юн Линя это сделать несколько раз. Пусть он знает, что превосходный старший брат является моим. — В его полуправдивых словах слышалась ревность.

Услышав это, Юн Ци, напротив, тайком вздохнул с облегчением.

Раньше он очень боялся Юн Шаня, безумно желавшего им овладеть, но сейчас, достигнув предела, всё стало наоборот: юноша был влюблён в него. После кражи письма, заточения во Дворце Наказаний, ещё насильно влитого лекарства, у него остался лишь один человек — Юн Шань, иногда жестокий, иногда ласковый, иногда выбирающий путь насилия, а иногда простой и скромный.

До сих пор младший брат испытывал желание по отношению к нему, как раньше, и Небо действительно проявило к ним жалость.

Юн Шань, держа руку под одеялом, вновь скользнул по телу, направляясь к месту промеж ног. Сердце молодого оленёнка Юн Ци непрерывно билось в груди, юноша окинул уголком глаз укрытого с головой Юн Линя, и сердце затрепетало в испуге. Но, в конечном счёте, всё же стиснув белые зубки, юноша набрался решимости и, словно распутная девка, раздвинул ноги, давая Юн Шаню полную свободу действий.

Это действительно было слишком необычно.

Юн Шань, не сдержав удивления, посмотрел на него и увидел в корне противоположное поведение; лицо Юн Ци, наоборот, выглядело встревоженным, юноша закусил нижнюю губу, оставляя алый след на белоснежной коже; любой, кто увидел бы это, понял, что он до крайности напряжён.

Младшему брату это показалось забавным и к тому же трогательным. Чуть улыбнувшись, Юн Шань прошептал нежные слова:

— С большим трудом улучили момент побыть вместе и сегодня, никуда не торопясь, я сначала приласкаю тебя.

Юн Ци подсознательно расслабился и, конечно же, начал сдвигать ноги.

— Старший брат, подожди немного.

Юн Шань, находясь под одеялом, расстегнул застёжку на груди, снял верхнее платье, после чего и нижнее бельё, вытащил вещи из-под одеяла и отбросил их в сторону. Обвив рукой талию Юн Ци, юноша притянул старшего брата в объятия.

Последний пребывал несколько дней подряд в кровати, поэтому был облачён лишь в белое

тонкое нижнее платье, однако Юн Шань по-прежнему досадовал из-за такой помехи, блуждая ладонью по груди Юн Ци.

Старший брат вновь покраснел и шёпотом спросил:

— Хочешь что-то сказать?

— Без одежды удобнее.

Заметив, что Юн Ци промолчал, Юн Шань пальцами ловко развязал повязку и, сняв одежду с тела юноши, также отбросил в сторону.

Два обнажённых стройных тела, лёжа под непроницаемым одеялом, касались друг друга. Укрытые ватным одеялом, они без единой нитки на теле [6] смотрели друг на друга с ещё большей привлекательностью и мечтательностью.

В тот момент даже звук двух сердец ясно был слышен, словно барабанный бой на форсированном марше: тук, тук-тук, тук-тук-тук. Их сердца бились очень быстро, в унисон, и это было необыкновенно.

Двое юношей ощущали, как их тела охватывает огонь, но совершенно не обжигающий, они были очень распалены, словно находились в горячем источнике.

Этот никогда не исчезающий жар существовал как на земле, так и на небе, непрерывно исходя из глубин, и никому не было подвластно ни увеличить его, ни уменьшить.

Незаметно для себя Юн Шань и Юн Ци погрузились в это хорошо знакомое и в то же время неведомое тёплое ощущение. Этот момент нельзя было описать как радость, так как само слово «радость» было слишком поверхностным.

Воцарились тишина и спокойствие.

Юноши молчали, желая удобно устроиться в объятиях друг друга и уснуть, однако были не в силах так просто погрузиться в сон.

Вскоре Юн Шань засмеялся, сел, опираясь спиной на изголовье кровати, и спросил Юн Ци:

— Старший брат, скажи, греющиеся зимой кошки похожи на нас, не так ли?

Юн Ци, находясь в объятиях младшего брата, запрокинул голову и посмотрел вверх, заглядывая в бездонные и светлые глаза Юн Шаня. Подумав над словами младшего брата,

юноша не удержался и тоже нашёл это забавным:

— Действительно похожи.

Двое людей с улыбкой обменялись взглядами, веселясь, словно восьмилетние дети.

Юн Ци больше не испытывал неловкости, сейчас его здоровье понемногу улучшалось, тело набиралось сил, а сам юноша, сказав Юн Шаню пару слов, пребывал в бодром настроении и, изучающе смотря на младшего брата, также собирался сесть в кровати.

Но Юн Шань спешно проговорил:

— Не стоит спиной опираться на изголовье кровати, иначе простудишься. Старший брат может положить голову на меня. — И юноша подставил ему крепкое округлое плечо.

Юн Ци покорно положил голову на плечо Юн Шаня, а руку, само собой, завёл за спину младшего брата, но, скользнув ладонью по коже, юноша внезапно отдернул её и изменившимся тоном спросил:

— Что с твоей спиной?

— А что с ней?

— На твоей спине ощущаются какие-то царапины. — Юн Ци сел прямо. — Дай мне взглянуть, что там такое? — Одеяло сразу соскользнуло, обнажая тонкое и очаровательное плечо.

Юн Шань спешно помог брату вновь укрыться и, как ни в чём не бывало, сказал:

— В тюрьме, конечно, не так хорошо, как во дворце наследного принца: сначала использовали грязное постельное белье, от которого появились маленькие раны, но старый придворный лекарь Чэнь снабдил лекарством, и сейчас уже всё почти зажило. Зачем старшему брату видеть это? Они очень страшные, я не хочу позволять тебе смотреть на собственное уродство.

— Юн Шань. — Когда Юн Ци только привели в тюрьму, от болезни он был словно одурманен и наивен, однако сейчас его нельзя было одурачить. Юноша глубоко задумался, а румянец, что с большим трудом окрасил лицо, бесследно исчез, и, посмотрев на младшего брата, Юн Ци спросил: — Ты что, обманул меня, сказав, что во Дворце Наказаний не вкусил ни капли горечи?

— Я не обманывал старшего брата.

— Тогда позволь мне взглянуть, что случилось с твоей спиной.

Юн Шань молчал.

Раны от наказания, что были на спине Юн Шаня, уже зажили, только оставались зарубцованные места и на ощупь казались вогнуто-выпуклыми. Сейчас это зрелище было немного зверски-пугающим.

— Я хочу... своими глазами взглянуть. — Юн Ци не сдержался и притянул к себе младшего брата

Чем больше Юн Шань замечал такое внимание со стороны Юн Ци, тем меньше осмеливался упрямыться. Схватив юношу за запястье, младший брат вновь обнял Юн Ци и поверхностно проговорил:

— Боюсь, мне придётся самому признаться старшему брату, хорошо? Когда я только появился во Дворце Наказаний, то оказался в зале пыток. Только мне, правда, не пришлось вкусить невзгод. Старший брат подумает, почему я так говорю, ведь являюсь наследным принцем и люди во Дворце Наказаний не посмели бы так обращаться со мной? И не боюсь ли, что беда, став родовым проклятием, может коснуться девяти поколений? Я лишь подвергся нескольким ударам палки, но только это предлог, чтобы отец-император увидел мои мучения. На первый взгляд это пугает, на самом деле я ни капли не пострадал. Ты знать не знаешь, но все люди, что вели допрос, получили свои должности от предков. Если хочешь цениться, то нужно действовать, не колеблясь... — юноша внезапно прервал слова и, опустив голову, спросил: — Старший брат?

Почувствовав, что что-то не так, Юн Шань поднял лицо свернувшегося калачиком в его объятиях Юн Ци и, держа двумя руками и смотря на него, заорал:

— Скорее отпусти! Ты с ума сошёл? — И с силой разомкнул крепко стиснутые зубы Юн Ци.

Юноша мёртвой хваткой вцепился в нижнюю губу, прокусывая и позволяя алой крови просочиться сквозь белые зубы.

Юн Шань открыл сомкнутые челюсти и увидел, как из прокушенной губы, на которой остались отпечатки зубов, потекла кровь, окрашивая подбородок и белоснежную кожу волнующей красной нитью.

Подвергшись крику младшего брата, Юн Ци, наоборот, стал послушным и совершенно неподвижным, позволяя Юн Шаню вытереть с подбородка кровь, а сам юноша полными слёз глазами смотрел на находящегося перед ним брата.

Он в растерянности просидел на кровати какое-то время, а затем внезапно прошептал:

— Младший брат, ты хочешь меня?

Подняв обнажённые руки и крепко обвив шею Юн Шаня, юноша прижался к губам младшего брата.

Юн Шань удивился, почувствовав слабый сладковатый вкус.

Придя в себя, юноша понял, что это кровь Юн Ци, и словно игла вонзились в тело, причиняя острую боль.

Юн Шань с трудом рассмеялся:

— Ты старший из старших братьев [7], но насколько бы взрослым ни был, ты всё же боишься боли. Подожди, пока кровь остановится, а там видно будет.

Юн Ци сегодня был невероятно настойчивым и не желал отпустить шею юноши. Одеяло соскользнуло с тела, обнажая большую часть спины, холодный воздух, скользя по коже, вызвал дрожь, однако юноша прищурился, словно кошка, и всё с таким же всхлипом проронил: «Младший брат, ты хочешь меня?», словно плача.

Из охваченных жаром глаз Юн Шаня чуть не хлынули слёзы.

Держа в руках Юн Ци, он успокаивающе погладил его обнажённое плечо и, скрепя сердце, прижался к прокушенной губе поцелуем, надавил на плечи и, уложив юношу на постель, раздвинул длинные худые ноги.

Приблизившись ко входу, горячая головка члена внезапно вторглась в нежный проход.

Юн Ци длительное время не занимался этим и, почувствовав боль, начал плакать и кричать.

Юн Шань, исполняя желание, качнул бёдрами и с силой вогнал член, глубоко проникая до самой сокровенной точки, затем поддался бёдрами назад, вытаскивая большую часть своего достоинства, и вновь безжалостно вошёл в Юн Ци, вызывая дрожь и заставляя старшего брата запрокинуть голову и отчаянно закачать ею.

— Вот видишь, старший брат, я всё тот же Юн Шань и нисколько не изменился. — И твёрдый член юноши вновь проник в тело, а сам он, обжигая горячим дыханием, укусил Юн Ци за мочку уха и, глухо рассмеявшись, проговорил: — Помнишь те наши дни во Дворце Наказаний? Я именно так мучил старшего брата. Подобным образом...

Коснувшись старшего брата между ног, Юн Шань с силой стиснул возбуждённую плоть.

Испуганный Юн Ци тяжело дышал, глотая слёзы, ягодицы напряглись, и Юн Шань тотчас же безжалостно ущипнул их.

— У-у! — Боль пронзила тело юноши, заставляя поддаться наверх, но в один миг все движения были пресечены Юн Шанем.

Горячее желание неторопливыми ударами обрушилось на многострадальное отверстие.

Сильный мужской член, выскальзывая и вновь проникая, тёрся о слизистые стенки кишечника, желая искрошить самую чувствительную точку, и лишь после этого охотно бы прекратил пытку.

— Что страшного в том, что такой человек, как я, получил по спине несколько ударов палкой?
— Юн Шань, нависая над Юн Ци, с силой брал ослабшее тело. Острым сверкающим взглядом пронзая его, юноша с загадочной улыбкой спросил: — А сколько ударов моей «палки» вынесет старший брат?

Словно втянутый в жестокий шторм, Юн Ци широко распахнул глаза и удручённо посмотрел на нависшего над его головой Юн Шаня.

У него не было сил говорить, нападки, что сыпались одна за другой, отнимали жизненные силы и дух [8], а внутренности сжимались, спутывались и ломались от давления скользящей внутри плоти.

Подвергшись напору, вход вынужденно расширился, принимая беспрерывно проникающий горячий член.

Очень жарко и очень больно.

Очень... спокойно на душе.

Юн Шань овладевал юношей, словно желая разорвать того на куски. Будто бушующий огонь, что скапливался очень долгое время в плотно закрытом горшке, увеличился и, с силой вырвавшись наружу, охватил Юн Шаня и сжигал его изнутри, не оставляя даже пепла.

— Кто, не поранившись, сможет вырваться из шипов терновника?

Молчание.

— Старший брат, я ранил тебя, ты тоже причинил мне зло.

Молчание.

— Теперь мы, два брата, квиты.

Большой член скользил в нежном теле юноши, а разум уносился всё дальше и дальше в безбрежный, нарушающий все принципы морали океан.

Юн Ци, цепляясь за крепкое плечо Юн Шаня, морщил брови, закрыв глаза.

Он не проронил ни слова, однако в душе подумал: «Я твой должник».

В этой жизни именно ты являешься моим закладчиком.

Примечания:

[1] В оригинале фраза звучит как «весельем не вспоминать о Шу» — это отсылка к истории последнего императора дома Хань, который, предавшись удовольствиям в Лояне, забыл о своём царстве Шу, также обр. в знач.: забыть о родных местах, забыть о доме; самозабвенно веселиться, наслаждаться, забыв обо всём.

[2] В оригинале фраза звучит как «скреплять волосы», обр. в знач.: достигнуть юношеского возраста; юношеский возраст.

[3] Отсылка к притче о Мэнчанцзюне, один из слуг которого, притворившись собакой, проник в цинский лагерь, где Мэнчанцзюня держали под стражей, и помог ему бежать, а другой отвлекал преследователей подражанием пению петуха; также обр.в знач.: ловкий, изворотливый человек.

[4] Обр. в знач.: изнурять себя работой, усердно работать.

[5] Обр. в знач.: приходить в восторг, ликовать.

[6] Обр. в знач.: абсолютно голый, в чём мать родила.

[7] Также это вежливое обращение к старшему по возрасту.

[8] В даосизме это называется «три сокровища» Цзин, Ци и Шэнь, которым соответствуют телесная сущность, жизненная сила и дух.

<http://bllate.org/book/13372/1189624>